

— Те промышленные объекты, которые мы построили, теперь акционерные общества. Каждый работник получил хоть и маленький, но кусочек собственности. А мы, строители? Ломик на память да планшечку для чертежей, — говорит нынче Похлебкин.

На старости лет занесло Николая Ивановича, как он говорит, в медвежий угол — на улицу Калмыцкую, что в Старом городе. С одной стороны вид на Тимофеевку, с другой — на заводы. Те самые — химзавод, ВЦМ, АТЗ, Куйбышевфосфор, которые строил бригадир Похлебкин. Так что теперь память о прошлом всегда перед глазами.

85 лет — дата солидная. Вольно или невольно начинаешь отмащивать пленку назад: все ли было так, как хотелось, сложилась ли жизнь, как мечталось? И оглядываясь назад, Николай Иванович жалеет лишь об одном: недоучился.

Многочисленная семья Похлебкиных жила в маленьком городке с замечательным названием Тетюши. Николай, тогда совсем не Иванович, был старшим, потому и ответственности на нем было больше. И работал, и учился, и по хозяйству. В восьмом классе заболел малярией, полгода пропускал занятия — и остался на второй год. Только закончил восьмилетку, как вышло постановление правительства: после восьмого класса за учебу надо платить. И мечты о среднем образовании пришлось завязать в узелок и временно закинуть куда подальше. А тут и повестка в армию, пора на фронт. В составе саперной бригады Похлебкин прошел от Ростова до Берлина.

— Все почему-то думают: раз сапер, значит, только с миноскателем ходит-бродит. Да, и такие у нас были, но самое-то главное — мы обеспечивали безопасность наших войск. Саперы шли впереди, готовили переправу, понтоны. Работали по ночам, нас могли обстреливать, а мы вступать в бой не могли. У пехоты хоть окопы были, а у нас малые траншейки, куда только голову и спрячешь... В то время, когда я воевал, мы уже наступали, но потери все равно были большие...

По законам жанра тут надо бы красочно и сурово рассказать о ярких эпизодах фронтовой жизни, но Николай Иванович уходит от этого. Может, не хочет вновь вспоминать тяжелейшее время своей жизни, а может быть, потому, что спустя годы военные картинки стали складываться совсем в другую мозаику. В разговоре о войне у Николая Ивановича промелькнула не раз фамилия Бутаков.

— Кто такой, чем прославился?

— Да ничем. А фамилию почему-то до сих пор помню... Мы же в бригаде все были примерно одного возраста, кто с 24-го года, кто с 25-го. И прежней, так сказать, дореволюционной жизни не знали. А вот Бутаков был постарше, колхозник из Сибири. Нет-нет да во время передышки начинал нам рассказывать, как раньше хорошо жили единоличники и кормили страну. А колхозы, мол, настоящая погубель для крестьян. Мы, пацаны, слушали, верили и не верили. Немного времени прошло, и нас всех начали вызывать к особисту, спрашивали: как, мол, агитацию проводил Бутаков. Мы только глазами хлопали: ну вспоминает человек о прошлом и вспоминает, что, мол, такого. За эти простые разговоры Бутаков получил восемь лет, как враг народа, и сгинул... За что — до сих пор свербит меня этот вопрос.

Служить после войны Николаю Ивановичу пришлось до 1949 года, восстанавливали Украину, были в Запорожье, и в Львове, и в Закарпатье.

— Под Ивано-Франковском бандеровцев, помню, было очень много. Это звери, а не люди. Их и пленных-то опасались. Вот, к примеру, плененных немцев целую роту водили два автоматчика, но если шла колонна бандеровцев, то тут уже охрана 6 — 7 человек и собаки.

...Отслужил Похлебкин в армии, вернулся домой, а профессии-то нет, как и у миллионов солдат-победителей. Куда, что, где работать? И оказался он в райисполкоме, фронтовика назначили начальником сельской киносети. Так сказать, отвечал он за культурный досуг сельского населения.

Все чаще приходится зачеркивать номера в телефонной книге, особенно на той странице, где имена знакомых мне фронтовиков.

Уносит время тех, кто воевал за нашу Великую Победу, кто строил наш город...

Наших ветеранов так мало осталось, давайте вспоминать их поименно и чаще.

Николай Иванович Похлебкин — человек-легенда нашего города. Недавно ему исполнилось 85 лет, конечно, здоровье уже не то, седина во всю голову, но, слава богу, еще хватает сил на встречи, на воспоминания.

Николай Похлебкин: МЫ ВЕРИЛИ, ЧТО ЗАВТРА БУДЕТ ЛУЧШЕ

— А как тогда в селах и деревнях жили?

— Тяжело. Людям денег на руки не давали, за трудовни палочки в ведомости ставили. Так и говорили: работаю за палочки. Помню, привезли в какое-то село фильм «Свадьба с приданым», собрался народ у клуба, а денег ни у кого нет, стоят, ждут, а мы без билета тоже не имеем права фильм показывать. Вот так и стояли: сельские у клуба праздника ждут, а денег на него нет. А мы, городские, права не имеем бесплатно этот праздник устроить. Наверное, так и уехали бы, если бы не пришла жена одного майора, который поселился в деревне после приезда из Германии, она-то и купила на всех билеты... Это ведь какое время было, кино ждали как праздника, о телевизорах никто и не слышал. Одна радость была — кино с передвижки.

Середина пятидесятых: раздался на всю страну призыв партии и правительства — осваивать целину и поднимать промышленные центры восточных и северных районов. У Похлебкина в то время уже семья была, комната отдельная. Но, как он говорит, мы какие-то сумасшедшие романтики были, песня «Едем мы, друзья, в дальние края» многих с насиженных мест

подняла. Так он и оказался в Северо-Уральске, который славился рудниками. Приехал туда отряд романтиков человек в 600, да больше половины потом и убежало: ждали люди жизни необыкновенной и денег больших, а все было просто — работой, работой.

Здесь Николай Иванович и освоил первые строительные навыки, начинал с того, что бетон месил... Уехал из Северо-Уральска только через три года.

— А как в Ставрополе оказались?

— Да просто. ГЭС уже тогда построили, а Куйбышевгидрострой гремел тогда на всю страну, ожидалась большая стройка.

Сюда и приехал Похлебкин с семьей и застрял надолго. Начал в СМУ-2, которое потом превратилось в Промстрой, в нем до самой пенсии и трудился Николай Иванович. Быстро стал бригадиром строительной бригады, не хуже любого инженера разбирался в строительных чертежах. Не раз его соблазнили: пошли, мол, Ивановы, в начальники. А Похлебкин отказывался, и знаете почему? Как он говорил, ему совестно было, потому что не имел технического образования. А промышленное строительство — это вам не жилые дома строить, только один фундамент под

компрессоры, утыканный арматурой, чего стоил — без хорошей головы не сделаешь.

Вскоре пришло время строительства автозавода.

— Народу тогда тьма наехало, поскольку про стройку такие сказки и легенды по стране ходили: и деньги, мол, там пачками в конверте дают, и «жигули» потом гарантированы, и с жильем порядок. А то, что за это вкалывать и вкалывать надо, как-то люди не думали... Помню, назначили нового мастера, армянина, с дипломом строительного техникума. Ну, мастер и мастер, человек грамотный. А он даже в чертежах ничего не понимал. Покажешь ему, бывало, чертеж, а он с вопросом:

— Это что?

— Фундамент.

— А рядом что нарисовано?

— А это фундамент в разрезе.

Раскусили его быстро и перевели в рабочие. Оказалось, у себя на родине он работал в растворяном узле, купил диплом, приехал к нам за машиной, да так и не дождался, уехал.

— А вам-то, Николай Иванович, «жигули» выделяли, вы ведь именно за строительство ВАЗа получили Героя Соцтруда?

— Да с этой машиной... Нет ее у меня. Хотя еще первые модели предлагали, так тогда у нас в семье и денег больших не было. А потом, где-то уже к 90-м годам, остались в городе два Героя Социалистического Труда без автомобилей — я да Семизоров. Нам снова предложили: покупайте, мол, машины по разнарядке. Поднаружились и взяли «шестерку», водить ее некому было, продали, а деньги, так сказать, на черный день положили в сберкассе. Ну а там, сами понимаете, что случилось: реформа гайдаровская, так и сгинули наши денежки — ни машины, ни накоплений.

— А с учебой что, так и не удалось?

— Ну почему. Уже в приличном возрасте стал ходить в вечернюю школу и учиться хорошо. Очень хотелось учиться, очень. Наверное, потому, что мы были уверены, что завтра будет лучше: и зарплата вовремя, и квартира, пусть через какое-то время, но тоже будет, и дети выучатся, и внуки на ноги встанут.

— А каким вы Семизорова помните?

— Простой был человек, трудяга. Он меня все однополчанином звал, мы с ним одного года рождения, одного полка, стало быть. Часто вспоминаю один случай на строительстве ТоАЗа, когда только начали стройку, дорог подъездных хороших еще не было. А тут весна, распутица, размыло колею через Васильевку, весь транспорт встал. Приехал Семизоров и всю ночь провел с нами, пока не убедился, что машины наконец на стройку пошли... Или так. Рабочий день закончился, ребята из бригады уже к автобусу побежали, а я по участку хожу, смотрю — не оставили ли чего, все ли в порядке? Тут и Николай Федорович приезжает, один, без сопровождающих, ходит, поглядывает: что за день сделали. Ему, конечно, утром все на планерке доложить, но он любил сам проверять, сердце-то болело за дело...

Разговор у нас с Николаем Ивановичем был долгий и неторопливый, обсудили, например, где сыр дешевле; какие грибы раньше в наших местах были — много и хороших; как изменился город и время; как странно сейчас жить тем, кто искренне и изо всех сил строил социализм... Вели разговор о житие-бытие героев минувших дней, тех же Героев Соцтруда, строителей, фронтовиков. Не все у них славно, не все гладко. Многих выкосили болезни и беспокойные годы, когда рушились идеалы, когда менялись ценности и ориентиры, когда страна в одночасье забыла о тех, кто ее строил. Что скрывать, было такое время, было. Мне так просто не по себе стало, когда я узнала, что после выхода на пенсию в те смутные 90-е Герой Социалистического Труда Николай Иванович Похлебкин от «хорошей» жизни подрабатывал сторожем в ДК СК (теперь ДК «Тольятти»)...

Здоровья вам, уважаемый Николай Иванович, на долгие годы. Вы же помните: солдаты Победы идут до конца достойно.